

В.П. Сапон

СИНДИКАЛИСТСКИЙ «УКЛОН» В БОЛЬШЕВИЗМЕ (1905 – 1909 гг.)

Одной из форм социального освобождения «снизу» в начале XX века стало синдикалистское движение. Революционный синдикализм делал ставку на прямое действие трудящихся, на непосредственный захват рабочим классом (а не политической партией или группой) в ходе всеобщей стачки контроля над производством и последовательное устранение государства из общественной жизни. Российские рабочие в 1905 г. действовали именно в синдикалистском духе, поэтому теория и практика революционного синдикализма не могла не привлечь пристального внимания социал-демократов, претендовавших на идеологическое и организационное лидерство в рабочем движении.

В послереволюционный период сложилась целая группа марксистских интеллектуалов, которые участвовали в декабрьских событиях 1905 г. в Москве и в последующие годы не оставили надежды «пересмотреть марксизм и использовать насилие, чтобы опрокинуть правительство Николая II посредством рабочего восстания, вызванного всеобщей стачкой»¹. В группе радикально настроенных марксистов, «заинтригованных синдикализмом»², оказались А.А. Богданов, А.В. Луначарский, В. Базаров (В.В. Руднев), И.И. Скворцов-Степанов, В.М. Шулятников, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, А.В. Соколов (С. Вольский), В.М. Фриче, Г.А. Алексинский и другие. В документах Департамента полиции того времени упоминается также «учитель Николай Васильев Крыленков, он же Крыленко, после перехода к синдикалистам написавший книгу с резкой критикой всей тактики социал-демократов»³.

Некоторые видные социал-демократы в этот период навсегда покинули ряды партии и стали идеологами нового для России общественно-политического направления – анархо-синдикализма. В частности, В.А. Поссе еще в 1903 г. составил проект программы русских пролетариев, основанной на синтезе марксистских и кропоткианских идей, а с осени 1905 г., по возвращении на родину из эмиграции, приступил к разработке кооперативно-синдикалистской модели социализма⁴. Д.И. Новомирский (Я.И. Кирилловский) в 1901 – 1904 гг. активно работал в социал-демократических организациях Умани и Одессы, даже был избран делегатом на III съезд партии. На съезде он так и не появился, ибо как в эмиграции примкнул к анархистам. Вернувшись в ноябре 1905 г. в Одессу, он создал анархо-синдикалистский Союз коммунистов⁵.

Духовное лидерство в синдикалистском «уклоне» принадлежало А.А. Богданову и А.В. Луначарскому.

Еще в 1904 г. Богданов в брошюре «Социализм» предложил использовать стачки и синдикаты-профсоюзы в качестве средств классового объединения пролетариата и рационального укрупнения промышленных предприятий⁶. Будущий идеолог леворадикальной группы «Вперед» выражал уверенность в том, что в «эпоху последней борьбы» «ветхая оболочка будет, наконец, сброшена; тогда социализм перестанет быть только классовым сотрудничеством пролетариата и охватит производство в его целом; тогда он осуществит новую организацию собственности и распределения, новое общественное хозяйство»⁷.

Луначарский в 1905 г. в серии статей под общим названием «Массовая политическая стачка» выступил с публицистическим опровержением «глубоко ошибочного» представления, согласно которому «ортодоксальных марксистов», то есть большевиков, помещают в политический центр, а «крайней левой» называют анархистов-синдикалистов. Он дал понять, что дело обстоит как раз наоборот, поскольку «истинная революционность определяется не фразистикой и не пламенной жестикуляцией»⁸. Беспочвенными считал он и упреки в узости, выдвигаемые против своих соратников-боль-

шевиков – «не за то ли, что они не хотят пренебрегать ни одним орудием пролетарской борьбы?»⁹. По его убеждению, разделяемому и другими лидерами левой социал-демократии (В.И. Ленин, кстати, редактировал эти статьи), на разных этапах революции наряду с массовой политической стачкой «окажутся в высокой степени полезными и государственный опыт парламентариев, и чисто политические навыки партии, как крайне полезными будут и синдикаты, способные немедленно взять в свои руки производство»¹⁰. «Горе партии с тактикой односторонней, – резюмировал большевистский публицист. – «Узкие» марксисты не будут ничем пренебрегать»¹¹.

В 1907 г. – видимо, для того, чтобы реализовать на практике озвученную установку – Луначарский решил заняться более основательным исследованием политической жизни западноевропейского пролетариата, «особенно синдикализмом». При этом он получил руководящие указания от Ленина по поводу того, с чего начать и на что обратить особое внимание¹². М. Горький в это время сообщал в одном из писем о том, что молодой большевик работает над книгой, которая «страшно интересна по теме, она будет иметь сильный успех»: «Дело идет о приближении большевизма к синдикализму, то есть о возможности слияния социализма с анархо-социализмом»¹³. Сам Луначарский так описывал свою духовную эволюцию в то время: «Первые годы революции прошли для меня в горячечной, утомительной, разрозненной и не всегда целесообразной работе. Она привела не только к утомлению, но, по ходу событий, и к целому ряду сомнений по вопросам партийной организации и тактики. И критическая, и положительная стороны теории революционного синдикализма, далеко не восхищавшей меня многими своими сторонами, возбудили тем не менее к себе огромный интерес. Мне казалось, что знакомство с революционным синдикализмом поможет и мне и партии разрешить грозные вопросы, поставленные жизнью...»¹⁴.

В 1907 г. в С.-Петербурге под редакцией и с послесловием Луначарского вышла в свет книга известного итальянского теоретика синдикализма Артуро Лабриолы «Реформизм и синдикализм». В послесловии сооружены вполне прочные теоретические мостики между революционным синдикализмом и радикальным марксизмом не только в некоторых программных вопросах, но и особенно в вопросах тактики. В частности, идеолог «впередовского» течения указывал, вопреки унитаристским и централистским постулатам ортодоксального марксизма, что «центральная администрация, выборная и контролируемая, не есть ни власть, ни государство». При этом, правда, он добавил, что «только «единый план» гарантирует нас от анархии и периодических судорог»¹⁵. Что касается политической злобы дня, то Луначарский готов был признать революционный синдикализм союзником в борьбе с общим идеологическим противником – реформизмом, «учением, как чума распространившимся по Европе среди социалистов и грозившим подорвать революционное самосознание пролетариата»¹⁶.

Борьба с реформизмом стала уже актуальной задачей для революционных сил Запада, со временем то же должно было произойти и в России.

«Уже поскольку выдающиеся теоретики синдикализма оттачивают оружие критики против реформистов, – настаивал русский марксист, – они заслуживают нашего глубокого внимания». По его оценке, «даже те ортодоксальные социал-демократы, которые видят в синдикализме одни крайности, все же признают его здоровой реакцией против стремления сделать из социалистических партий простую крайнюю левую буржуазных демократий»¹⁷.

По мнению Луначарского, поддержка синдикалистского движения не только является важным фактором развития социалистических сил на пути к революции, но «еще гораздо важнее то, что социальная революция, окончательная победа может быть одержана только конфедерацией синдикатов»¹⁸. Поэтому в послесловии он предложил отказаться от идеи создания сильной партии как чисто политической организации, так же как и от иллюзии об эффективности чисто экономической борьбы. Партии представляют собой идеологические союзы, объединяющие представителей самых разных классов. Синдикаты являются «естественной» формой классовой, то есть основанной на общности экономического положения, организации рабочих. «На чем строим мы, марксисты? – задавался он вопросом. – На идеологической ли предпосылке чистоты идеологии, традиции или же экономической предпосылке – классовом положении?». И отвечает на этот вопрос в духе вполне синдикалистском: партия может быть переполнена чуждыми элементами («идеология – вещь шаткая»), а пролетариат при всех возможных заблуждениях все равно вернется на верную классовую позицию. «Поэтому, – полагал Луначарский, – трудно довериться слепо даже самой лучшей партии и трудно повернуться спиной к самому худшему, но *чисто-рабочему* синдикату»¹⁹. В качестве резюме марксистский теоретик высказал пожелание, чтобы социалистические партии сумели воспитать синдикалистское движение в требуемом духе. И когда это произойдет, «когда все профессионалисты станут социалистами и зарегистрируются в партии», тогда произойдет естественное и глубокое слияние революционно-партийных и революционно-профсоюзных течений. Пока же «там, где партия начала гнить, там, быть может, даже синдикаты в еще младенческом состоянии – предпочтительны»²⁰.

В августе 1907 г. Луначарский участвовал в работе Международного социалистического конгресса в Штутгарте. Он представлял большевиков в «комиссии о синдикализме, имея там противником не кого другого, как Плеханова»²¹. Некоторые советские историки утверждали, что в этой комиссии будущий советский нарком просвещения отстаивал «ленинскую линию партийности профсоюзов»²². Однако на самом деле все было не так просто и однозначно, поскольку Луначарский стремился в комиссии по проблеме взаимоотношений политических партий и профсоюзов проводить свою линию и даже пытался в этом плане влиять на Ленина. В частности он, по его собственным словам, вполне договорился с лидером большевистской делегации об отстаивании «бельгийского типа», то есть «на усилении соц[иалистической] агит[ации] в рядах профессиональных союзов, на включении

согласных на то синдикатов в партию на равных правах с чисто партийными организациями, на установлении организационной связи между центральными учреждениями обеих частей раб[очего] движения на равных правах». Ленин согласился также «относительно необходимости подчеркнуть, что борьба синдик[атов] не сводится к борьбе за улучшение быта в пределах капиталистического общества, но что они сыграют решающую роль под углом зрения самой социальной революции»²³.

В полемике с Плехановым, который выступал за полную нейтральность профсоюзов, Луначарский привлек на свою сторону большинство членов комиссии, настаивая на максимальной идейной и организационной близости партии и профсоюзов «не только для того, чтобы п[артия] могла уберечь молодое раб[очее] движ[ение] от участи професс[ионализма] и других детских болезней, а и для того, чтобы организованные массы могли контролировать и освежать партию»²⁴. В этой связи молодой большевик вполне уместно говорил об «истинно синд[икалистском] духе», который он со своим единомышленником В. Базаровым (В.В. Рудневым) старался внедрить в партийную жизнь²⁵.

«Ленина я исподволь подготавливаю», – многозначительно писал Луначарский²⁶. Вечером, после дебатов в комиссии, он имел долгий разговор с Лениным, высказав ему почти все свои новые идеи. «Указал и на то, что разрыв между нами, «еретиками», – в глазах Плеханова, – и большевиками твердокаменного типа был бы гибелью для б[ольшевизма], а нас превратил бы, вероятно, в висящих в воздухе литераторов, мелких же б[ольшевик]ов нового типа толкнул бы к некритическому синдикализму»²⁷. По словам Луначарского, собеседник «страшно внимательно» его выслушал и сказал: «Это все очень похоже на правду. Это ново и важно»²⁸. В свою очередь Ленин в одной из статей тогда отметил, что в Штутгарте он «был солидарен во всем существенном с тов. Воиновым (псевдоним А.В. Луначарского. – В.С.)»²⁹.

Одним из большевиков нового типа, которые осуществили глубокий дрейф в идеологическое пространство синдикализма, стал будущий советский нарком юстиции Н.В. Крыленко, под псевдонимом А. Брам опубликовавший в 1909 г. книгу «В поисках ортодоксии». Радикально трактуя марксистскую теорию государства, он утверждал, что государственный механизм, будучи в руках буржуазии одновременно орудием принуждения и одним из способов присвоения прибавочной стоимости, «объективно должен исчезнуть вместе с частной собственностью и всей системой наемного труда и, как таковой, он и не может быть использован пролетариатом в его целях, как не может быть использован и всякий капиталист в качестве орудия для экспроприации экспроприаторов»³⁰.

Маркс, настаивал Крыленко, подчеркивал неразрывную взаимосвязь государства и эксплуататорского буржуазного общества, поэтому, говоря о завоевании политической власти пролетариатом, он имел ввиду скорее борьбу за психологическое признание гегемонии рабочего класса другими социальными слоями, а не прямой захват государственного механизма. Эпиго-

ны основоположника (в частности, Карл Каутский), напротив, видели главную цель рабочего движения в овладении государственной машиной парламентскими методами, поскольку рассматривали государство как надклассовый социальный инструмент, с помощью которого можно ввести социализм. Подобные представления автор счел абсолютно неверными, так как, по его мнению, «ни государство не является основой социалистического строя, ни пролетариат не только что не хочет, но и не может, если бы даже и хотел, завладеть государственной машиной»³¹.

Обозначив в первой части антиэтатистские и антипарламентарные акценты марксистской «ортодоксии», Крыленко перешел непосредственно к теме «марксизм и синдикализм» (именно так называется вторая часть книги). Опираясь на марксово определение государства как орудия классового господства в антагонистическом обществе, революционный публицист выделил несколько функций государства: полицейские (обеспечение защиты от внешних угроз и внутреннее административное управление), хозяйственно-регулятивные и культурные. По наблюдению автора книги, функция внешней обороны буржуазных государств все более теряет реальное содержание, поскольку развитие сверхмощных транснациональных корпораций фактически отменяет все государственные границы и превращает национальные правительства из «представителей населения страны» в «слуг капитала»³². Одновременно с этим во внутривнутриполитической жизни капиталистических стран отмечается усиление репрессивной роли государственного аппарата, все более явно употребляемого буржуазией в целях утверждения своего классового господства.

Автор отметил сокращение государственных прерогатив и в экономической сфере. Это вызвано, с одной стороны, централизацией и укрупнением производства силами финансово-промышленной олигархии, а с другой – развитием рабочего движения и расширением влияния профсоюзов и других объединений трудящихся.

Что касается социальной сферы, то и здесь, по мнению автора, все более возрастает значение самостоятельных общественных организаций, которые успешно конкурируют с правительственными структурами. В частности, организованные профсоюзами биржи труда, рабочие бюро и статистические комиссии, по его оценке, ни в чем не уступают официальным аналогам, а в то же время заведения среднего и высшего образования, монопольно контролируемые государством, представляют собой не культурные учреждения, а «организации полицейского характера, рассадники ханжества и пиетизма»³³.

В целом, констатировал Крыленко, стабильно возрастают репрессивные, «полицейские» функции государственного Левиафана, все прочие – «отмирают и переходят к учреждениям пролетариата»³⁴. Авторитарно-государственная надстройка, возвышающаяся над обществом, несет народным массам больше вреда, чем пользы. Поэтому грядущий социальный переворот должен разрушить эту надстройку и передать административную ини-

циативу в руки федерации свободных производственных коммун. Следовательно, уточняет русский марксист, актуальным лозунгом революции является «не захват государственной машины, а ниспровержение политическое господства буржуа»³⁵.

Для автора книги очевидно, что парламенты, стоящие на страже интересов частной собственности и капитала, не способны ликвидировать болезненный нарост репрессивной государственности. По его убеждению, ударной силой, способной избавить общество от издержек насильственной власти, являются самостоятельные демократические объединения рабочих. Уже в недрах капиталистического хозяйства в ходе бурного развития пролетарского движения создаются прочные основы коллективистского строя, так что «государство разлагается раньше, чем успело «отмереть»»³⁶. В ходе социального переворота, полагал Крыленко, организованный пролетариат использует властный ресурс, возможно, даже в форме диктатуры, однако это будет «власть на момент», обусловленная необходимостью планомерной передачи средств производства в распоряжение трудящихся.

В его книге рассматривались не только насильственные, но и мирные формы классовой борьбы³⁷. Однако подразумевалось, что только прямым действием можно добиться коренного переворота в системе экономических и политических отношений. Первым этапом революционной борьбы, по замыслу Крыленко, станет всеобщая стачка (ярыми приверженцами которой были именно революционные синдикалисты), «за ней с неумолимою логикою событий последуют вторые стадии борьбы»³⁸.

Итогом книги Крыленко стало углубление антиэтатистских тенденций марксизма как на уровне базисных принципов, так и на уровне революционной тактики. Можно даже утверждать, что поиск марксистской «ортодоксии» фактически привел радикального социал-демократа в доктринальное пространство революционного синдикализма. Это косвенно признал и сам Крыленко, который уже в 1920-е гг. с удовлетворением отметил, что все то здоровое, что он воспринял от синдикализма, «сделалось официальной программой коммунизма»³⁹.

В целом же вполне очевидно, что, пытаясь найти точки соприкосновения между доктринами революционного синдикализма и радикального марксизма, максималистски настроенные большевистские теоретики нового поколения исходили из реалий политической жизни (влиятельность синдикалистских методов организации и борьбы в пролетарской среде западных стран и России), а также из соображений политического прагматизма (необходимость использовать все средства для борьбы с реформистскими, оппортунистическими силами в социалистическом движении, а также с классовыми противниками пролетариата в целом).

Судя по ленинским статьям 1907 – 1908 гг., лидер большевиков также принимал в синдикализме все то, что соответствовало, по его мнению, «задаче большевистского направления», а именно: революционную работу в профсоюзах, выход из узких рамок парламентских «кунштштюков» на ши-

рокий простор организованной классовой борьбы, «умение пользоваться (и подготовка масс к возможности успешно пользоваться) всеобщей стачкой, а также «декабрьскими формами борьбы» в русской революции»⁴⁰. По оценке Ленина, синдикализм является приемлемым идеологическим союзником большевизма тогда, когда он выступает как радикальная антитеза различным политическим течениям, уводящим рабочий класс от активной революционной борьбы. «В Западной Европе, – утверждал большевистский лидер, – революционный синдикализм во многих странах явился прямым и неизбежным результатом оппортунизма, реформизма, парламентского кретинизма. У нас первые шаги «думской деятельности» тоже усилили в громадных размерах оппортунизм, довели меньшевиков до раболепства перед кадетами». В связи с этим «синдикализм не может не развиваться на русской почве, как реакция против этого позорного поведения «выдающихся» социал-демократов»⁴¹.

С другой стороны, в самом синдикализме лидер большевиков нашел некоторые черты, которые выдают его сходство со «старым «экономизмом»». Эти черты, которые, считал он, не могут быть приемлемы, как и прежние формы оппортунизма, Ленин формулировал так: «1) «анархическая рассыпчатость организации» (в кавычки им взяты цитаты из статьи Луначарского об отношении партии к профессиональным союзам) – В. С.); 2) нервное взвинчивание рабочих вместо создания прочной «твердыни классовой организации»; 3) мещански-индивидуалистические черты идеала и прудоновской теории; 4) нелепое «отвращение к политике»»⁴².

Если оставить в стороне не вполне объективную, чисто эмоциональную критику (Ленин и сам часто демонстрировал «отвращение к политике», принимающей формы «оппортунизма, реформизма, парламентского кретинизма»), то можно отметить вполне прагматичное отношение ведущего большевистского теоретика к идейному и тактическому арсеналу синдикализма. Он отнюдь не считал необходимым подвергать полномасштабной жесткой критике этот «ревизионизм слева», поскольку он «далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны»⁴³. В то же время Ленин, вслед за Луначарским, вполне мог повторить, что большевики «не будут ничем пренебрегать»: он готов был инкорпорировать «однобокий» антиоппортунизм и антипарламентаризм синдикализма в более широкую тактику «революционной социал-демократии», нацеленную на повторение опыта Парижской коммуны и декабрьского восстания 1905 г.⁴⁴ Именно в этом ключе, вероятно, и следует понимать его слова в письме к Луначарскому: «большевизм... сумеет взять *все живое* у синдикализма, чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм... И только мы можем с революционной, а не педантски-кадетской точки зрения Плеханова и К⁰, опровергнуть синдикализм, несущий с собой тьму путаницы...»⁴⁵.

Не следует, конечно, преувеличивать теоретический «реверанс» ведущих большевиков в сторону синдикализма: такую попытку делает, напри-

мер, Р. Уильямс в отношении Луначарского. (В то же время нельзя назвать корректной и позицию советских исследователей, которые игнорировали синдикалистские «уклонения» будущего наркома просвещения⁴⁶.) Американский исследователь, в частности, цитирует русского большевика, который писал в статье «Мещанство и индивидуализм», что «синдикат и союз синдикатов вплоть до интернациональной их конфедерации, которая вновь созревает на наших глазах, является и результатом и причиной величайшей коллективистической наклонности пролетариата»⁴⁷. Но далее Луначарский отмечал, что в силу сложных условий повседневной жизни, пролетариат «культурно далеко не стоит на высоте своего идеала, своих организационных принципов и своей исторической роли», поэтому в своем классовом развитии он обоснованно пользуется идеологическими услугами и наставничеством интеллигенции, «переходящей на пролетарскую точку зрения»⁴⁸. В неопубликованной брошюре «Вопрос о взаимоотношении партии и профессиональных союзов на Штутгартском международном конгрессе» (1907 г.) теоретик-«впередовец» вновь характеризовал профсоюзную (синдикальную) организацию рабочих как проявление роста нового мира и нового порядка. При этом он решительно отверг ошибки синдикалистов, их аполитичные, немарксистские выводы из положений Маркса и выражает свою глубокую веру «в эти положения и марксистские выводы из них»⁴⁹.

Ленин также довольно быстро перешел к жесткой оппозиции синдикалистским увлечениям своих товарищей по партии. Например, уже в сентябре 1907 г. в предисловии к сборнику «За 12 лет», лидер большевиков признал, что с момента выхода работы «Что делать?» (1902 г.) он высказывался за нейтральность профсоюзов, однако Лондонский съезд РСДРП и Штутгартский конгресс заставили его «прийти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов *принципиально* отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией – таков единственно верный принцип»⁵⁰.

Большевики надеялись привлечь на свою сторону протестно-политический и организационный потенциал синдикализма, имевшего значительное влияние в международном рабочем движении, чтобы укрепить себя его жизненной силой. Однако борьба за идейное влияние в большевистском крыле РСДРП превратила проблему синдикализма, наряду с известными философскими противоречиями, в «яблоко раздора» между ведущими идеологами российской левой социал-демократии. Радикально-большевистская концепция Богданова, который делал ставку на тактику прямого действия масс, для многих ветеранов Первой русской революции казалась предпочтительнее значительно более умеренной «думской» тактики Ленина, что не могло не вызвать опасений последнего относительно перспектив его лидерства в большевистской фракции.

В апреле 1908 г. лидер большевиков, по его собственному выражению, опубликовал в печати – в статье «Марксизм и ревизионизм» – «самое что ни на есть формальное объявление войны» и, хотя он надеялся «отде-

лить от партийных (фракционных) дел философию»⁵¹, в ней прозвучало не только обещание развенчать философский «ревизионизм» Богданова и его единомышленников⁵². Одним из объектов критики был обозначен также политический «ревизионизм слева», который «обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм», стремящийся приспособиться к марксизму, «исправить» его»⁵³.

В последующие несколько лет наряду с искоренением «ультиматизма», «отзовизма» и «богостроительства», в рядах ленинской фракции шла активная борьба с течением, которое Р. Уильямс удачно охарактеризовал как «антипарламентский большевистский синтез марксизма и синдикализма, вдохновленный опытом 1905 г. и коллективистской философией Богданова»⁵⁴.

Нельзя утверждать, что победа Ленина была преддана (он даже готовился выйти из фракции в случае победы своих «левых» оппонентов⁵⁵), однако, дав бой «впередовцам» на философском поле, лидер большевиков сделал все и для дискредитации политических постулатов своих максималистских соратников, при этом их ультра-радикализм как раз и явился главным объектом его жесткой критики. В июне 1909 г. в Париже по инициативе Ленина состоялось совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» (фактического центрального органа большевистской фракции в 1906 – 1909 гг.), на котором указывалось, что «отзовизм» и «ультиматизм» в своих попытках теоретического самоопределения приходят к отрицанию основ революционного марксизма. Тактика ультра-радикалов, требовавших отказа от легальных форм политической деятельности, – указывалось в написанной Лениным резолюции, – «неизбежно ведет к полному разрыву с приложенной к современным условиям тактикой левого крыла международной социал-демократии, приводя к анархическим уклонам»⁵⁶.

Впрочем, исключив из своих руководящих органов максималистские элементы (в частности Богданова (Максимова)⁵⁷), ленинцы не собирались отказываться от синдикалистских инструментов организации рабочих и классовой борьбы, за которые ратовала «максимовская фракция». Ленин в своих статьях этого периода резко критиковал «Максимова и К^о» за привнесение в русскую социал-демократическую среду элементов идейного анархизма и в то же время, наряду с сохранением нелегальной партии и использованием Думы в агитационных целях, призывал «развивать и использовать в целях социализма всевозможные рабочие организации»⁵⁸.

Проницательные наблюдатели уже в то время отмечали, что противостояние между ленинцами и левыми, «боевистскими», группами внутри большевистской фракции нельзя списывать на счет межличностных конфликтов партийных вождей⁵⁹. Ленин, совершивший в течение нескольких лет идейную эволюцию от бойкота выборов в I Думу к положительной оценке «социал-демократического парламентаризма и роли думской трибуны для социал-демократов в период контрреволюции», вызвал недовольство значительных слоев в рядах своей фракции. Тех слоев, которые верили в скорое приближение нового революционного прилива и настаивали на про-

должности «бойкотистской» и «боевистской» тактической линии. Эти ультра-радикальные слои, действовавшие под различными фракционными кличками («отзовисты», «ультиматисты», «впередовцы») получили достаточно широкое распространение, причем не только на периферии, но и в крупнейших партийных организациях – в С.-Петербурге, Москве, Одессе, Иваново-Вознесенске и других⁶⁰. Со стороны ультралевых даже прозвучали обвинения в адрес вождя фракции в измене идеалам революционного марксизма, в содействии перерождению большевизма⁶¹. Однако, по справедливому замечанию одного эсеровского публициста, «гипнотизировать себя этой внешностью «измены вождя» не приходится; это значило бы скользить по поверхности и не замечать более глубокого соответствия»⁶².

Большевики, писал эсеровский аналитик, никогда не были принципиальными приверженцами методов индивидуального террора, что касается массового прямого действия, то после победы царского режима над революцией 1905 – 1907 гг. эта тактика себя исчерпала. Таким образом, «ко времени выборов в третью Думу большевики уже приняли целый ряд *предпосылок* отказа от бойкота; Ленин прежде других сделал из этих предпосылок логический вывод»⁶³. Практическим продолжением этого вывода стала ленинская тактика сочетания нелегальных и легальных приемов партийной деятельности в преддверии нового революционного подъема. Слабость позиции Богданова и других ультра-радикальных большевиков заключалась в том, что они, увлекаясь полемическими выпадами против Ленина, не дополнили «отрицательную революционность бойкотизма» «положительной революционностью боевой тактики»⁶⁴. Ленину в итоге удалось более адекватно оценить расстановку политических сил в послереволюционной России и уловить преобладающие настроения в массах, поэтому, несмотря на политическую изоляцию его группы в ожесточенной полемике с «правыми» и «левыми» в РСДРП, ленинская тактическая линия в революционном движении возобладавала.

На наш взгляд, именно способность большевистского вождя разобраться в психологии эксплуатируемых масс, готовность прислушаться к «живому дыханию жизни» и сделать конструктивные практические выводы, пусть даже в ущерб стройным идеологическим догмам и схемам, как раз и стали факторами его убедительной победы, как в большевистском течении, так и в масштабах всей страны на новом этапе русской революции. Ленин раньше многих других политиков осознал могучую силу народных масс, почувствовавших себя творцами новых социально-экономических и политических отношений, именно поэтому он до определенных пределов приветствовал организационные и идейные заимствования, которые способны были укрепить общественно-преобразующую силу леворадикального марксизма. Революционный синдикализм представлял собой один из наиболее действенных инструментов антикапиталистической мобилизации масс, и по этой причине большевики готовы были на определенном этапе использовать средства из синдикалистского арсенала для решения своих задач.

Примечания

¹ *Williams R. C. Collective Immorality: The Syndicalist Origins of Proletarian Culture, 1905 – 1910 // Slavic Review. 1980. Vol. 39. № 3. P. 394.*

² *Ibid.*

³ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 918. Оп. 8. Д. 409. Л. 9 об.–10.

⁴ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 477.

⁵ Там же. С. 402.

⁶ *Williams R. C. Op. cit. P. 395.*

⁷ *Богданов А.А. Социализм в настоящем // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 100.*

⁸ *Луначарский А.В. Массовая политическая стачка. Статья II // Литературное наследство. Т. 80. В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 564.*

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 568.

¹¹ Там же.

¹² *Williams R. C. Op. cit. P. 395.*

¹³ Архив А.М. Горького. Т. IV. Горький А.М. Письма к К.П. Пятницкому. М., 1954. С. 210–211.

¹⁴ *Луначарский А.В. Автобиографическая заметка // Литературное наследство. Т. 82. А.В. Луначарский: Неизданные материалы. М., 1970. С. 552–553.*

¹⁵ *Луначарский А.В. Послесловие // Лабриола А. Реформизм и синдикализм. Под редакцией и с послесловием А. Луначарского. СПб., 1907. С. 264.*

¹⁶ Там же. С. 247.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 256.

¹⁹ Там же. С. 257.

²⁰ Там же.

²¹ Из писем А.В. Луначарского жене // Литературное наследство. Т. 80. С. 622.

²² См., напр.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 515.

²³ Из писем А.В. Луначарского жене. С. 622.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Из писем А.В. Луначарского жене. Т. 80. С. 624.

²⁷ Там же. С. 625.

²⁸ Там же.

²⁹ *Ленин В.И.* Предисловие к брошюре Воинова (А.В. Луначарского) об отношении партии к профессиональным союзам // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 187.

³⁰ *Брам А.* В поисках ортодоксии. СПб., 1909. С. 63.

³¹ Там же. С. 268.

³² Там же. С. 273.

³³ Там же. С. 277.

³⁴ Там же. С. 278.

³⁵ Там же. С. 281.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 276.

³⁸ Там же. С. 282.

³⁹ См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 467.

⁴⁰ См.: *Ленин В.И.* Предисловие к брошюре Воинова (А.В. Луначарского)... С. 189.

⁴¹ Там же. С. 188–189.

- ⁴² Там же. С. 190.
- ⁴³ Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.. Т. 17. С. 25.
- ⁴⁴ См.: Ленин В.И. Предисловие к брошюре Воинова (А.В. Луначарского)... С. 189–190.
- ⁴⁵ В.И. Ленин – А.В. Луначарскому [11 ноября 1907 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. М., 1970. С. 116–117.
- ⁴⁶ См., напр.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981. С. 68.
- ⁴⁷ Williams R.C. Op. cit. P. 397.
- ⁴⁸ Луначарский А.В. Мещанство и индивидуализм // Луначарский А.В. Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. С. 326–327.
- ⁴⁹ См.: Williams R.C. Op. cit. P. 396.
- ⁵⁰ Ленин В.И. Предисловие к сборнику «За 12 лет» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 108.
- ⁵¹ В.И. Ленин – А.М. Горькому [16 апреля 1908 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 155.
- ⁵² Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм. С. 20.
- ⁵³ Там же. С. 25.
- ⁵⁴ Williams R. C. Op. cit. P. 397.
- ⁵⁵ В.И. Ленин – В.В. Воровскому [1 июля 1908 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 160.
- ⁵⁶ Ленин В.И. Резолюции совещания расширенной редакции «Пролетария». Об отзовизме и ультиматизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 36–37.
- ⁵⁷ Там же. С. 42.
- ⁵⁸ См.: Ленин В.И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 79–80.
- ⁵⁹ Статья «Кризис большевизма» // Ленинский сборник. Т. XXV. М., 1933. С. 193.
- ⁶⁰ См.: Борьба Ленинской партии против мелкобуржуазных групп и течений. М., 1981. С. 79, 80.
- ⁶¹ Статья Николая Гарри «Привидения» // Ленинский сборник. Т. XXV. М., 1933. С. 198.
- ⁶² Статья «Кризис большевизма» // Ленинский сборник. Т. XXV. С. 194.
- ⁶³ Там же. С. 194–195.
- ⁶⁴ Там же. С. 195.